

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник статей
XXIV Международной научной конференции,
посвященной 135-летию
Томского государственного университета
(7–9 октября 2013 г.)**

Ответственный редактор профессор С.К. Гураль

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2014

М.М. Угрюмова

Томский государственный университет, Томск, Россия

«СИРОТА» В СИБИРСКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Константы русской народной культуры в языковом коде: от бытового к бытийному» (грант № 12-04-00163).

Рассмотрение диалектной лексики сквозь призму лингвокультурологии позволяет выявить константы традиционной культуры, репрезентированные языковым кодом. Материалом данного исследования послужили русские старожильческие говоры средней части бассейна р. Оби. «Ключом» к описанию и интерпретации языковых фактов с позиций культуры является жанр лингвокультурологического портрета. Объектом «портретирования» являются представления о ребенке в различных его ипостасях, закрепленные языковой системой диалекта.

В задачи лингвокультурологического портрета как исследовательской методики входят поэтапный анализ, интерпретация и структурирование культурной информации, полученной из языковых фактов. Рассмотрим данную методику на примере построения лингвокультурологического портрета сироты.

На первом этапе происходит выявление корпуса анализируемых единиц. Принципом их отбора является прием дефиниционного наблюдения, в соответствии с которым происходит градация отобранного материала. Рассмотрим языковую реализацию образа сироты через функционирование единиц, его репрезентирующих.

Сирота, приплеть, безродинка, детдомовский / детдомовый, беспризорный.

Жить / расти в (чужих) людях, ходить / пойти / расти по людям / по дворам, пойти по миру; остаться от отца / матери.

Слово «сирота» в Вершининском словаре (далее ВС) имеет следующую дефиницию: *Сирота – ребенок, подросток, лишившийся одного или обоих родителей. Он, бедный, сиротой был, ни отца, ни матери.*

Дефиниция отражает бытовое значение реалии, наша задача – вычленить культурную информацию, что является задачей второго этапа построения лингвокультурологического портрета. Описание культурной составляющей значения осуществляется с помощью приема лингвокультурологического комментария, реализуемого в приемах дефиниционного (анализ дефиниции описываемого слова) и контекстного анализа. Приемы этимологического анализа и идентификации носят вспомогательный характер. Привлечение этимологических данных обусловлено способностью лексемы отображать, хранить и накапливать предшествующий опыт. Прием идентификации эффективен при выявлении различных оттенков коннотации описываемых лексических единиц. На фоне нейтрального эквивалента (идентификатора) фиксируются дополнительные экспрессивные, эмоционально-оценочные характеристики лексемы. Например, *сиротка, сиротинка, сиротиночка* «сирота + ласк.».

Эталоном семейного мира является наличие в семье обоих родителей и их совместных детей. Нарушение данной модели вызывает эмоционально-оценочный отклик в культуре и языке. Отсутствие у ребенка родителей в традиционной культуре воспринимается как взрыв устоев семейного космоса, происходит нарушение главной онтологической функции семьи – воспитание нового полноценного члена общины, социума. Со смертью родителей гибнет микромир семьи: ребенок оказывает либо *вне* семьи вообще (сирота, детдомовский / детдомовый) и *вне* своего дома («ходить по чужим людям», «жить в людях», «пойти по миру»), либо поселяется в качестве «приплети» в «чужой» семье: *Семья больша была, нас человек, детей столько. И приплети были, сироты* (Зыр.).

В реализации образа сироты присутствует несколько устойчивых мотивов. Одно из них – понятие *судьбы*, действий сил, находящихся за пределами человеческого постижения. В таком отношении сироты к своему положению отчетливо слышны отголоски языческого представления о судьбе как предопределении жизненного пути человека: *В сорок первом году Анна умерла. Ребятишечки были, померли хыть, бог не забыл. Остались бы горе мыкать* (ПСЯЛ); *Ну как не называют, называют, ну какой-нибудь сиротинка, так что вот говорят горемычный. Горький горемыка называют, один который живет,*

судьбы нету (BC); Мне жизнь така досталась. С детства сиротство досталось. Не жизнь, а горе (BC).

Устойчивость ассоциативной связи *сирота* – *судьба* доказывает не только частотная реализация в контекстах бытовой речи, но и в эстетически закреплённых текстах, в частности в фольклоре: *Сиротинка* *взросла, как былинка в поле, моя молодость шла по чужой неволе (из песни) (Б. Яр.); *Мать, отец и дочь Жили весело, Но изменница злая судьба Надсмеялася над сироткой (из песни) (Верш.)*.*

Фольклорные тексты содержат перечисление основных «качеств» сироты, входящих стереотипно в его образ: несвобода от «чужих», зависимость от судьбы, одиночество. Отсюда осмысление народным сознанием сиротства как величайшего несчастья, горя: ***В сиротстве** рос [сын], горчанки мы с ним хватили обои (BC); ***А сиротой не дай господи никому*** (Верш.); *Мама, мама, вырой яму, Сама в яму не ложись, Ты поверь-ка, моя мама, Сиротам какая жись (частуш.) (Верш.)*.*

Отсюда широко распространённый мотив *бедности* и *зависимости* сироты от «чужих людей»: ***Пришлось в людях работать, отец-то в 26-м годе умер*** (Верш.); ***Я жила в чужих людях**, в няньках, в работницах, годов 19 было (Яйск.); **От матери с тятей** *маленька осталась, всё у чужих людей росла, всё работала, всего хватило (Асин.); **От с дедом поженились** – у нас ничего не было. Из бедных бедный был. Ну чё, сирота, так и жил по людям (Верш.); **Дочери у него были, одни остались, пошли по миру** (Зыр.); **А я по дворам ходил. Девять лет мне стало – я уже работал, в работниках жил. Пять человек – и все по дворам, разобрали нас, растили** (BC).**

Ассоциативная связь *сирота* – *чужие люди*, имеющая регулярную экспликацию в высказываниях, выстраивает противопоставления «сирота – общество»: ***Зрос на чужих людях (СРСГД); Я-то с детства по чужим людям болтаюсь. Туго приходилось жить, ворочать имя. Токо квартиру дали. Покомят немного или платье сунут. Счас пообноси-лась, да кто даст? Раз своих нет, небось, никто и не даст*** (BC).

Обречённость на самовывживание не оставляет сироте возможности прожить «нормальное» детство. В отличие от своих сверстников, ребенок-сирота вынужден избирать иные жизненные ценности и приоритеты. Он живет по иному жизненному сценарию, нежели другие дети. Работа, отсутствие поддержки и заинтересованности взрослых

лишают его традиционного воспитания: *Не научилась вязать-то я, некогда было, сирота была (ВС); Да как ученица, я говорю, по людям росла (ВС); К рукодельности мне некогда было, по людям ходила (ВС); Я один класс всего кончил. Не надо было учиться: отца, матери не было. Как остался, так ступай работать, кусок хлеба заробливать на себя (СРСГД).* У сироты нет времени на обретение «лишних» (не первостепенной важности) навыков.

Образ сироты демонстрирует роль семьи в духовной жизни ребенка: семья является источником жизнеобеспечения ребенка, заботится о его физическом и материальном благополучии: ср. внутреннюю форму слова *БЕСпризорный* – тот, за кем нет «призора», «догляда», о ком никто не заботится: *Ребятушки ходят, как беспризорны (о грязных, плохо одетых детях) (СОС).*

Роль семьи не сводится к материальному жизнеобеспечению ребенка, семья занимает доминирующую позицию в эмоциональной жизни ребенка. Душевная, эмоционально-психологическая обездоленность сироты обусловлена его одиночеством: *Детдомовска я. Семь годов не было, с городу привезли. Так и живу одна, никого нет (ВС); Осталась как палец одна. Я маленька осталась восьми годов от матери (ВС).*

Отсутствие родителей лишает сироту не только семьи, но и принадлежности к роду, череде поколений, что демонстрируется внутренней формой слова *безродника* «сирота»: *Живет одна у меня безродника – никого нет (СРСГД).*

Семантика одиночества в наименовании *сирота* является доминирующей, следствие этого – появление переносного значения слова *сирота* – ‘Об одиноком человеке, оставшемся без родных, близких’ [1. С. 738], второго значения у слова *сиротство* – ‘2. Бесприютность, одиночество’ [Там же]. Кроме того, зафиксирован перенос данной семантики на предметы материального мира: СИРОТА. 2. Перен. Неустроенный, неухоженный (о неодушевленном предмете). – *Без хозяйки дом сирота, ага* [2. С. 242].

Таким образом, любой сирота – это прежде всего одинокий человек, о чем свидетельствует этимология данного слова: «Сирота. Общеслав. Образовано с помощью суфф. *-ота* от *сирь* – “сырый, безродный, одинокий”, имеющего соответствия в балт. яз.» [3. С. 409].

Отсюда необычайно трогательное, жалостливое отношение к детям-сиротам, которое на языковом уровне репрезентируется способностью данного слова к деминутивному словообразованию (*сиротка, сиротиночка, сиротинка, сироточка, сиротушка, сиротинушка*), прямыми оценками: *Ой, бедна ты моя сиротинушка, осталась ты без отца и без матери. Горька ты сиротинушка (Кож.); Он, бедный, сиротой был, ни отца, ни матери (ВС); Я средненька была. Взяла меня к себе соседка наша. Шибко уж они меня не обижали. Жалели они меня. Своих детей у них не было, так я у их заместо дочери была (СРСГ)*, наличием в языке идиоматических выражений, свидетельствующих о жалостливом отношении к сиротам: *Сиротская зима – ‘теплая’* [4. С. 590].

Сочувствие и уважение к сироте продиктованы пониманием его «недоли»: *Сватов заслал. Она сирота была. Мои отец и мать знали ее, уважали как сироту (ВС)*.

Еще одним способом преодоления отчуждения сироты обществом и восполнения «эталона» семейных отношений является обретение семьи через усыновление: **брать / взять в дети, взять с травочки, растить // приёмушка, расти в детях**: *Его брали в дети, тетка, ростили (ВС); Взяли из Рыболово суда в дети. Его воспитанница взяла меня в дети (Крив.); Вот этих дорацивала, вот как. И сама в детях выросла (ВС); **Взять с травочки** – на воспитание **взять ребеночка (СС)**; *Детей у них не было. **Приёмушку** взяли от деверя, от мужнина брата (СРСГ)*.*

Рассматривая данные лексические единицы через призму семантики «свойственности – чуждости», можно установить их переходный характер. Семантика перехода зафиксирована в глаголах *брать, принимать*. Сирота, обретая семью, становясь «как все», преодолевает «чуждость», начинает восприниматься как «свой».

Лингвокультурологический аспект исследования лексических единиц предполагает изучение проявлений культуры в языковом знаке, а именно анализ культурного компонента значения слова, в настоящей статье рассмотренный на примере языковой репрезентации образа *сироты* в традиционной культуре. Прием лингвокультурологического комментария позволяет описать культурную семантику данных лексических единиц и сделать выводы о русском народном восприятии сиротства в жанре лингвокультурологического портрета.

Литература

1. *Большой* толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2008.
2. *Вершининский* словарь. Т. 6 : Р–С / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002.
3. *Краткий* этимологический словарь русского языка : пособие для учителей / под ред. С.Г. Бархударова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1975.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М. : Эксмо, 2005.

“ORPHAN” IN SIBERIAN OLD-TIMERS’ DIALECTS: LINGVO-CULTUROLOGICAL PORTRAIT

Ugryumova Maria M. Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Keywords: lingvo-culturological portrait genre; definition observational method; linguistic representation; semantics cultural component; traditional culture.

Abstract. The article deals with the problem of the “orphan” image linguistic representation in Russian traditional culture. Cultural component analysis of the word semantics is done. The lexical units cultural semantics and orphanage perception in Russian traditional culture are described. The lingvo-culturological portrait of the orphan in Russian traditional culture is drawn.

References

1. Great explanatory dictionary of the Russian language. Editor-in-chief S.A. Kuznetsov. Saint Petersburg, 2008.
2. Vershininsky dictionary Volume 6. Editor-in- chief O.I. Blinova. Tomsk : Tomsk state university publishing house, 2002.
3. Short etymology dictionary of the Russian language: textbook for teachers. Edited by S.G. Barkhudarov. Moscow, 1975.
4. Dal, VI Explanatory dictionary of the Russian language. Contemporary edition. Moscow, 2005.